

**О ВНЕДРЕНИИ ПРИНЦИПА «IN DUBIO PRO DURIORE»
(ПРИ СОМНЕНИИ – ПО САМОМУ СТРОГОМУ ВАРИАНТУ)
В РОССИЙСКИЙ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС**

Аннотация. В статье исследуется возможность интеграции отдельных принципов и моделей регионального зарубежного уголовно-процессуального права в законодательство Российской Федерации с целью усиления защиты прав потерпевших со стороны государства, а также повышения эффективности и оперативности отечественного уголовного судопроизводства.

Автором проводится краткий анализ концепции уголовно-процессуального законодательства Швейцарской Конфедерации, как структурно очень близкого к российскому на институциональном уровне, в результате которого обращается внимание на не свойственный отечественному правопорядку принцип «in dubio pro duriore» (при сомнении - по самому строгому варианту).

В этом ракурсе автором поднят интерес к не так давно возникшей в отечественной юридической литературе полемике вокруг данного принципа, акцентируется на необходимости дальнейшего исследования с точки зрения применения принципа на начальных этапах российского уголовного судопроизводства, имеющих значительные недостатки, вызванные практикой необоснованных отказов и/или затягивания начала уголовного преследования со стороны уполномоченных государством органов, а также неверной с их стороны квалификацией преступных деяний.

Интерес к теме вызван также тем, что применяемый в Швейцарии принцип «in dubio pro duriore», на первый взгляд, идентичен с отечественной теорией неустранимых сомнений, существующей в практике, а также противопоставим в досудебных стадиях уголовного процесса более известному принципу «in dubio pro reo» (при сомнении - в пользу обвиняемого).

Применение «in dubio pro duriore», по мнению автора, допустимо и обосновано в России, т. к. должно рассматриваться шире, как имеющее потенциал на стадии возбуждения уголовного дела при рассмотрении вопроса не только о возбуждении уголовного дела, но и о первоначальной квалификации поступивших сведений.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; УПК Швейцарии; интеграция; начало производства по делу; проверочные действия; материалы, полученные в ходе оперативно-розыскной, административной и иных видов деятельности; теория неустранимых сомнений.

K. Yu. Sasykin

Siberian Law University, Omsk, the Russian Federation

**ON THE INTRODUCTION OF THE PRINCIPLE “IN DUBIO PRO DURIORE”
(IN CASE OF DOUBT, ACCORDING TO THE STRICTEST VERSION)
IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE**

Abstract. The article examines the possibility of integrating certain principles and models of regional foreign criminal procedural law into the legislation of the Russian Federation in order to strengthen the protection of the rights of victims by the state, as well as to increase the effectiveness and efficiency of domestic criminal proceedings.

The author briefly analyses the concept of the criminal procedural legislation of the Swiss Confederation, as structurally very close to the Russian at the

institutional level, as a result of which attention is drawn to the principle "in dubio pro duriore", which is not characteristic of the domestic legal order (in case of doubt, according to the most stringent version).

From this perspective, the author raised interest in the controversy around this principle that has recently arisen in the domestic legal literature, emphasizes the need for further research in terms of applying the principle at the initial stages of Russian criminal proceedings, which have significant shortcomings caused by the practice of unjustified refusals and/ or delaying the beginning. Criminal prosecution by the authorities authorized by the state, as well as the wrong qualification of criminal acts on their part.

Interest in the topic is also caused by the fact that the principle "in dubio pro duriore" applied in Switzerland, at first glance, is identical with the domestic theory of unavoidable doubts that exists in practice, and we also oppose the more well-known principle "in dubio pro reo (in case of doubt - in favour of the accused).

The use of "in dubio pro duriore", according to the author, is permissible and justified in Russia, since should be considered more broadly, as having potential at the stage of initiating a criminal case when considering the issue not only of initiating a criminal case, but also of the initial qualification of the information received.

Key words: criminal proceedings; the Swiss Criminal Procedure Code; integration; initiation of proceedings on the case; verification actions; materials obtained in the course of operational-search, administrative and other types of activities; theory of irrevocable doubts.

Конституция Российской Федерации (ч. 1 ст. 45, ч. 1 ст. 46, ст. 52) гарантирует государственную, в том числе судебную, защиту прав и свобод граждан. Государство должно обеспечить пострадавшим от преступных посягательств доступ к правосудию. Реализация данного права тесно связана с эффективным осуществлением со стороны государства уголовно-процессуальной функции в лице соответствующих созданных органов предварительного расследования.

В целях эффективной реализации вышеназванных конституционных гарантий отечественным законодателем принят Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ), традиционно собравший в себе основные обязательные нормы, определяющие порядок уголовного процесса.

И уже традиционно отечественный законодатель оставляет неизменными основные начала уголовного судопроизводства, закрепленные в гл. 19 и 20 УПК РФ, именуемые стадией возбуждения уголовного дела, а также на практике называемые стадией доследственной проверки сообщения о преступлении. Вышеуказанные нормы фактически определяют начальный этап процессуальной деятельности отечественных органов предварительного расследования, направленный на сбор сведений, необходимых для принятия законного и обоснованного процессуального решения о возбуждении уголовного дела или иного решения, предусмотренного ч. 1 ст. 145 УПК РФ, проводимый в определенные УПК РФ сроки.

Также традиционно стадия поддается значительной критике со стороны научной среды (Л. М. Володиной [1], Ю. В. Деришева [2], В. Н. Махова [3] и др.), по смыслу совокупно характеризующих этап реликтом советской правовой мысли, не обеспечивающим в настоящий момент достижение задач уголовного процесса, характеризуясь не только очевидным необоснованно обвинительным уклоном, но излишней бюрократизированностью, низкой эффективностью досудебных и судебных процедур.

Защита концепции начала уголовного судопроизводства имеет место не только несмотря на отсутствие стадии в отечественном уголовном процессе до кодификации 1961 г., но и даже несмотря на проходящие практически повсеместно реформы уголовно-процессуальных законов в странах бывшего СССР – Украины, Казахстана, Киргизской Республики, Республики Молдовы и иных государств [4], последствием которых ранее существовавшие порядки начала судопроизводства

(имеющие «советский корень», вследствие чего близкие действующему российскому) были трансформированы, приведены в соответствие классическому западному образцу.

Представляется, что подобная консервативность основана, в том числе на принципиально неверном понимании закрепленного в ст. 14 УПК РФ принципа «*in dubio pro reo*» (презумпция невиновности) или «*in penalibus causis benignis interpretandum est*» (в уголовных делах толкование законов должно быть снисходительным), которому отечественными правоприменителями придается фактическая абсолютизация, проекция даже на стадию возбуждения уголовного дела, что категорически недопустимо.

Российский законодатель, безусловно, должен идти по принципу демократизации уголовного процесса, однако не за счет усиления позиции защиты стороны подозреваемого, обвиняемого (в том числе потенциального), а за счет обеспечения реальной состязательности процесса и доступности его для потерпевшей стороны. Толкование сомнений в пользу потенциального совершителя преступления должно восприниматься как толкование в ущерб потенциальному потерпевшему, а не иначе.

В этом смысле представляется обоснованным рассмотрение зарубежных методик, а в частности предлагается к обсуждению вопрос внедрения в отечественный УПК РФ известного принципа – «*in dubio pro duriore*», применяемого в ряде развитых иностранных демократических правовых порядков (например, Швейцария, Германия), который также находит свое упоминание и в практике Европейского суда по правам человека¹. Указанный принцип переводим по отдельным словам: *in* – в; *dubio* – сомнение; *pro* – за; *duriore* – тяжелее, суровее, а совокупно понимаемый так: «при сомнении – по наиболее строгому варианту».

Стоит оговориться сразу же, что «*in dubio pro duriore*» выявлен только в немецкоязычной теории уголовного процесса, и он имеет региональный (прежде всего, швейцарский) характер, что является причиной очевидного недостаточного исследования применения принципа нашей, отечественной доктриной до настоящего времени. Впервые в российской теории проблематика была поднята лишь в 2016 г.

Однако успехи или недостатки именно швейцарского уголовного процессуального права, как структурно очень близкого к российскому на институциональном уровне, нас не могут не интересовать.

Стоит сразу оговориться также и о том, что анализ принципа «*in dubio pro duriore*» в данном правовом порядке встречается в большей степени доктринально [5], и лишь применительно к окончательному утверждению обвинения и преданию суду (например, как определяющий принцип рассматривается ст. 324 УПК Швейцарии). Однако поскольку именно на этапе доследственной проверки и стадии предварительного расследования отечественная практика и сталкивается с проблематикой защиты прав потерпевших на становление правосудия, то дискуссия относительно внедрения указанного принципа в России более чем актуальна.

Исследуя «*in dubio pro duriore*» на примере швейцарского законодательства и доктрины, остановиться необходимо на следующих выработанных подходах: а) выбор более строгого варианта при решении вопроса о начале дознания или начале предварительного следствия; б) выбор более строгого варианта при решении вопроса о предъявлении обвинения и передаче дела в суд.

Таким образом, если у полиции есть сомнения, начинать ли дознание, то швейцарская теория и практика сводятся к тому, что необходимо приступить к его производству (косвенно о существовании данного принципа говорит отсутствие стадии возбуждения уголовного дела), если прокурор сомневается, нужно ли издать постановление об открытии производства по делу, то он должен его вынести; если данное должностное лицо, исходя из имеющейся доказательственной базы,

¹ Hurbain v. Belgium // European Court of Human Right. — URL: <http://www.echr.coe.int> (дата обращения: 15.05.2021).

однозначно не уверено, по каким статьям уголовного закона необходимо предъявлять обвинение, то его следует выдвинуть по более тяжкому из предполагаемых деяний (даже если имеются определенные основания полагать, что обвиняемый, возможно, совершил менее тяжкое преступное деяние) [6].

Возможно ли и нужно ли применение данного принципа в России? Вероятно, что потенциал имеется, учитывая имеющиеся у нас традиционные проблемы, возникающие уже на первоначальных этапах уголовного процесса.

Так, например, проводя анализ, следует отметить, что выделяемый «*in dubio pro duriore*» не противоречит «*in dubio pro geo*», хотя и противоположен ему по смыслу, однако удачно балансирует и уравнивает. Закрепление и применение «*in dubio pro duriore*» на стадии доследственной проверки, дознания, предварительного расследования заведомо направлено как на защиту уже (наиболее вероятно) нарушенных прав потенциального потерпевшего (либо жертвы, поскольку УПК Швейцарии разделяет данные категории в зависимости от вида совершенного преступления), а равно и на защиту прав такого лица в дальнейшем, в том числе от волокиты и незаконного бездействия учрежденных государством уголовно-процессуальных институтов. Внедрение данного принципа, в частности, позволяет на стадии проверки сообщения о преступлении, стадии дознания понизить стандарт доказывания для органов, ведущих производство расследования, необходимого для принятия ими решений, а также определит допустимость ошибки, как неотъемлемого элемента полномасштабной борьбы с преступностью. В связи с указанным, применение «*in dubio pro duriore*» (приоритетно над «*in dubio pro geo*») на данном этапе в полной мере будет соответствовать иному известному в римском праве принципу «*status quo ante bellum*» (сохранения положения, бывшего до войны).

В то же время, обращаясь к швейцарской теории и практике, отмечается, что, предписывая меру процессуального принуждения (например, заключение под стражу), либо же постановляя приговор, судья, напротив, должен исходить из «*in dubio pro geo*», истолковывая все сомнения в пользу обвиняемого. Подобный порядок применения принципа презумпции невиновности именно в суде закреплен, например, в ст. 10 УПК Швейцарии². Именно он является определяющим при постановлении приговора, в частности, при квалификации преступления, осуществляемой судом. В названной статье 10 УПК Швейцарии провозглашены схожие со ст. 14 УПК РФ положения о невиновности лица до тех пор, пока оно не будет осуждено окончательным и юридически обязательным приговором. Непреодолимые сомнения относительно того, были ли выполнены фактические требования предполагаемого правонарушения, толкуются судом исходя из предположения, что имели место обстоятельства, более благоприятные для обвиняемого.

Вышеуказанная позиция о потенциале применимости принципа «*in dubio pro duriore*» в России в целом сходится и с позициями ряда авторов, таких как Е. А. Бравилова [4], А. А. Трефилов [7], однако очевидно, что пока вопрос свеж, детально не изучен, ввиду чего однозначного «да» сказать нельзя.

Обращаясь же к критическим взглядам на «*in dubio pro duriore*» в российском правопорядке (А. В. Головкин [5], В. В. Ключевант [8]), стоит обратить внимание, что в целом авторы также сходятся на необходимости дальнейшего исследования, ими не опровергнута (а даже и поддержана) также основная мысль – на стадии возбуждения уголовного дела потенциал данного принципа имеет место быть.

А. В. Головкин в указанной в примечании статье, например, соглашается с тем, что сохраняющиеся в ходе расследования сомнения должны приводить нас к необходимости его продолжения, а не, допустим, прекращению уголовного дела, а

² Swiss Criminal Procedure Code of October 5, 2007 (status as of February 1, 2020) // WIPO Lex. — URL: <https://wipo.lex.wipo.int/ru> (дата обращения: 15.05.2021).

при наличии сомнений относительно квалификации фактов первоначально необходимо исходить из презумпции наиболее тяжкого преступления.

В этом смысле стоит заметить критические соображения того же автора относительно якобы идентичности принципа «*in dubio pro duriore*» и теории неустраняемых сомнений (вытекающей из ст. 49 Конституции РФ). А. В. Головкин отмечает [5], что теория неустраняемых сомнений дает нам возможность ответить лишь на вопрос, почему при наличии сомнений должно возбуждаться уголовное дело и проводиться предварительное расследование (чтобы устранить сомнения). Вместе с тем она не позволяет ответить на другой значимый вопрос – как должны интерпретироваться факты и по какому процессуальному пути должно первоначально идти расследование (например, если имеются признаки, гипотетически указывающие на несколько взаимоисключающих преступлений), и в этом ценность «*in dubio pro duriore*».

Таким образом, «*in dubio pro duriore*» потенциально (пока лишь так) может являться той тропинкой, которой следует идти российскому уголовному процессу в целях искоренения существующей до настоящего времени в России пагубной практики необоснованного отказа от начала уголовного судопроизводства со стороны уполномоченных органов, практики неверной (мягкой) квалификации, вызванные, очевидно, в т.ч. различными субъективными обстоятельствами (например, в целях обеспечения необходимой статистики преступности, раскрываемости), подтвержденные многочисленными судебными актами, размещенными в открытом доступе. Например, Решение Хабаровского краевого суда от 19 декабря 2018 г. по делу №3А-184/2018~М-180/18, Апелляционное постановление Московского городского суда от 18 апреля 2019 г. по делу № 10-7295/2019, Решение Ленинградского областного суда от 27 мая 2019 г. по делу №3а-115/2019, Апелляционное определение Калининградского областного суда от 6 февраля 2019 г. по делу №33-23/2019 (33-5766/2018), Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 12 сентября 2019 г. по делу №33А-5743/2019, Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 16 декабря 2020 №22-3093/2020 и пр., в которых рассматриваются вопросы многолетних необоснованных отказов, затягивания даже начала предварительного расследования.

В существующем правовом регулировании же пока не представляется ясным и однозначным, например, каким образом должен действовать дознаватель при поступлении ему сведений о фактах злостного уклонения должника от возврата денежных средств. Аналогичным образом не ясно, каким образом должны быть квалифицированы, например, и сами факты принятия на себя долга без заведомой возможности к его возврату, в условиях значительной и просроченной закредитованности, если в последующем долги так и не будут возвращены. С учетом приведенной и иной практики представляется, что нынешнее регулирование фактически, к сожалению, позволяет квалифицировать деяния в пользу потенциального нарушителя, заставляя заведомо потерпевшую сторону «выбивать» (путем обжалования и иных правовых методик) возбуждение уголовного дела и его дальнейшее производство.

Заканчивая рассуждение, стоит также заметить, что внедрение и реализация «*in dubio pro duriore*», возможно, и является ключом, но лишь одним, т. е. не может рассматриваться отдельно, а должно исследоваться в целом с возможностью реформы института возбуждения уголовного дела. В этом смысле заслуживает поддержки идея о трансформации института в институт начала уголовного судопроизводства, подобный ранее существовавшему в УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. В целях же обеспечения баланса сторон и снижения количества «побочных» эффектов от применения «*in dubio pro duriore*» обоснованно внесение в ст. 306 УК РФ изменений об усилении ответственности за совершение заведомо ложного доноса в целях понижения необоснованно подаваемых заявлений о преступлении, а также внесение в данную статью Уголовного кодекса РФ в виде отдельной части

соответствующей ответственности за заведомо ложный донос, сопряженный с обвинением конкретного лица в совершении преступления, что обусловлено наличием дополнительного объекта – чести и достоинства конкретного лица, и позволит укрепить баланс интересов всех участников уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Володина Л. М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика : монография / Л. М. Володина. — Москва : Юрист, 2006. — 352 с.
2. Деришев Ю. В. Реликт социалистической законности мутирует / Ю. В. Деришев // Российское право: образование, практика, наука. — 2017. — № 6 (102). — С. 71–76.
3. Махов В. Н. Особенности досудебного производства в уголовном процессе Российской Федерации / В. Н. Махов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — 2015. — № 1. — С. 24–28.
4. Бравилова Е. А. О перспективах реформирования досудебного производства в российском уголовном процессе / Е. А. Бравилова // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2019. — № 1. — С. 10–17.
5. Головкин Л. В. Принцип *in dubio pro duriore* и теория неустранимых сомнений, или о пользе изучения швейцарской уголовно-процессуальной доктрины / Л. В. Головкин // Закон. — 2016. — № 8. — С. 72–84.
6. Трефилов А. А. Уголовный процесс зарубежных стран : монография / А. А. Трефилов. — Москва : ООО «НИПКЦ Восход-А», 2019. — 1024 с.
7. Трефилов А. А. Соотношение принципов *in dubio pro reo* и *in dubio pro duriore* в уголовном процессе Швейцарии и России / А. А. Трефилов // Закон. — 2016. — № 3. — С. 117–123.
8. Ключевант В. В. Обвинительный уклон по-латыни (заметки по поводу статьи А.А. Трефилова) / В. В. Ключевант // Закон. — 2016. — № 6. — С. 74–78.

REFERENCES

1. Volodina L. M. *Problemy ugolovnoy protsessy: zakon, teoriya, praktika: monografiya* [Problems of Criminal Procedure: Law, Theory, Practice: Monograph]. Moscow, Iurist Publ., 2006, 352 p.
2. Derishev Yu. V. Relic of Socialist Legality Is Mutating. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian Law: Education, Practice, Researches*, 2017, no. 6 (102), pp. 71-76 (in Russian).
3. Makhov V. N. Preliminary Investigation in Criminal Procedure of Russian Federation. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Iuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*, 2015, no. 1, pp. 24-28 (in Russian).
4. Bravilova E. A. On Development Perspectives of Pre-trial Proceeding in the Russian Criminal Procedure. *Vestnik Ural'skogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the of the Interior of the Russian Federation*, 2019, no. 1, pp. 10-17 (in Russian).
5. Golovko L. V. Principle in Dubio Pro Duriore and the Theory of Insurmountable Doubts, or the Importance of Studying the Swiss Criminal Court Procedure Doctrine. *Zakon = Law*, 2016, no. 8, pp. 72-84 (in Russian).
6. Trefilov A. A. *Ugolovnyi protsess zarubezhnykh stran: monografiya* [Criminal Proceedings of Foreign Countries: Monograph]. Moscow, ООО «НИПКЦ Восход-А» Publ., 2019, 1024 p.
7. Trefilov A. A. The Correlation of in Dubio Pro Reo and in Dubio Pro Duriore Principles in Criminal Proceeding of Switzerland and Russia. *Zakon = Law*, 2016, no. 3, pp. 117-123 (in Russian).
8. Kliuvgant V. V. Presumption of Guilt in Latin (Notes on the Paper by A.A. Trefilov). *Zakon = Law*, 2016, no. 6, pp. 74-78 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сасыкин Константин Юрьевич — магистрант Сибирского юридического университета, 644010, г. Омск, ул. Короленко 12, Российская Федерация, e-mail: sasykin-delo@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sasykin Konstantin Yu. — Master student, Siberian Law University, 12 Korolenko Street, Omsk, 644010, the Russian Federation, e-mail: sasykin-delo@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Сасыкин К. Ю. О внедрении принципа «in dubio pro duriore» (при сомнении - по самому строгому варианту) в российский уголовный процесс / К. Ю. Сасыкин // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2021. — Т. 9, № 2 (34). — С. 98–104. — URL: <http://esj.pnzgu.ru>. — DOI: 10.21685/2307-9525-2021-9-2-11.

FOR CITATION

Sasykin K. Yu. On the Introduction of the Principle “In Dubio Pro Duriore” (in Case of Doubt, According to the Strictest Version) in the Russian Criminal Procedure. *Electronic scientific journal «Science. Society. State»*, 2021, vol. 9, no. 2, pp. 98-104, available at: <http://esj.pnzgu.ru>. DOI: 10.21685/2307-9525-2021-9-2-11. (In Russian).